

стили бяху их к водѣ». Этот эпизод вошел в жалобу Ярославны в ее обращении к солнцу: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси, чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вой? въ полѣ безводнѣ жажду имѣ лучи съпряже, тугою имѣ тули затче». Это обращение к солнцу и жалоба ему показывают, что Ярославна знала об этом эпизоде битвы с половцами и тяжело переживала его. Она упоминает о «туге», испытанной войсками, и, повидимому, слышала об этом от 15 возвратившихся воинов. Автор «Слова о полку Игореве», не упоминая об этом эпизоде, вспомнил о нем в плаче Ярославны.

Плач Ярославны совершенно нормально предшествует описанию бегства Игоря из плена, так как содержание его знает только битву с половцами и раны Игоревы.

II. „Не быть еликну“

Описание бегства Игоря из половецкого плена отличается порчей текста, до сих пор не исправленного критикой. Не установлена даже точка зрения на возможность устранения порчи и на хорошее понимание текста, который, в его настоящем виде, читается так: «Погасоша вечеру зори. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслю поля мѣрить отъ великого Дону до малого Донца. Комонь в полуночи. Овлур свисну за рѣкою, велить князю разумѣти „князю Игорю не быть“, кликну, стукну земля въшумѣт трава, вежи ся половецкіи подвизоша. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвржеся на брѣзь комонь и скочи съ него бусымъ влъкомъ и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подѣ мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ».

В этом тексте, довольно ясном, должно отметить натуральное и тонко задуманное описание бегства Игоря, кое-где испорченное неверным чтением первоначального, т. е. древнего текста. С одной стороны, текст рисует замедление жизни, а с другой — ее быстрое движение. В этих двух особенностях поэтического замысла ярко выступают перебои нормального изложения. Интересны, поэтому, совпадения с параллельными текстами летописей и различия от них. Так, начало описания бегства согласуется с двумя источниками — с Ипатьевской летописью и с передачей какого-то неизвестного нам источника у Татищева. Слова «погасоша вечеру зори» отвечают словам Ипатьевской летописи: «не бяшетъ бо ему лзѣ бѣжати в день и в ночь, им же сторожевъ стражахуть его. Но токмо и веремя таково обрѣтѣ в заход солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: «перееди на ону сторону Тора с конемъ поводнымъ», бяшетъ бо свѣчал с Лавромъ бѣжати в Русь. В то же время половцы напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечере. Пришедѣ конюший повѣда князю своему Игореву, яко ждеть его Лаворъ». Таким образом Ипатьевская летопись и Слово говорят о вечере, о заходе солнца, о погасших вечерних зорях. Такое же время бегства описывает и Татищев, но более подробно: «По малом времени разсудя Игорь за удобно и согласясь с Лавром и своими, учинилъ пир, на которомъ приставниковъ подчивал довольно медомъ и дарил; и как оныя довольно пьяны были, на заходе солнца послал конюшого по Лавра, и как оный пришел, сказал ему, чтоб он на заходе